

На Плещеевом озере. (Из летних скитаний)

Сижу на крыльце гостиницы Фёдоровского женского монастыря, в трёх верстах от Переславля-Залесского.

Кругом необозримые возделанные поля отлогой котловиной тянутся к Плещееву озеру. Желтеет тяжёлая спелая рожь; зеленеют и волнуются зелёные полосы овса; кое-где, как куски разбитого зеркала, блестят от заходящего солнца разбросанные на низине мелкие болотистые озёрки. Большое же Переславское озеро широкою полосой матового серебра раскинулось до видимых пределов горизонта. Противоположный высокий берег весь затянута сизой дымкой.

У подошвы высокой монастырской горы, спрятавшись глубоко в ложину, блестит белыми домиками и главами бесчисленных церквей людный и оживлённый Переславль. Видны красные корпуса фабрик, копят небо трубы, поднявшиеся выше колоколен.

Город отсюда кажется лежащим ниже озера, как будто выходящим из него недр.

— Град Китеж! — восклицает мой маститый спутник, профессор А. В. Прахов.

Мы встаём и между высокими стенами ржи направляемся к озеру, до которого, кажется, рукой подать, а, между тем, идти приходится не менее двух вёрст. Над ними кружатся большие белые чайки, нарушая вечернюю тишину своими характерными резкими криками.

У самого озера покатая равнина заканчивается крутым обрывом, от подножия которого до воды тянутся твёрдый кочкарник и песчаные отмели.

Поверхность воды, пересечённая алой полосой отражённого заходящего солнца, кажется громадной. Далёкие лодочки на тихой глади озера тонут в вечерних испарениях. Царит та самая вековая тишина, которую можно найти, по словам поэта, только здесь, «во глубине России».

Фёдоровский монастырь вполне гармонирует с окружающей природой. Это — милая хозяйственная усадьба доброго старого времени.

Внутри ограды уютные деревянные домики-кельки, окружённые садиками с пышно разросшейся малиной и крыжовником, с румяными яблоками на крепких яблонях. Всюду чистота и хозяйственность.

В маленькой каменной гостинице щепетильно чистые комнаты с такими же постелями. Накормили нас богатейшей домашней ухой из ершей и жареными окунями, наловленными в озере.

Приветливая старушка-игуменья, говоря о своём монастыре, с 500 сестёр, и воспитываемых в нём девочках-сиротках, выражается очень метко:

— Большая у меня семья.

Всё прошлое этой тихой обители неразрывно связано с именем царя Феодора Ивановича, который здесь родился.¹

Грозный с беременной царицей Анастасией Романовной приехал в Переславль на освящение храма в Никитском монастыре, а на обратном пути в Москву, в 7-ми верстах от города, царица внезапно разрешилась от бремени сыном Феодором. На самом месте рождения сына, у Московской дороги, государь поставил шатровую часовню с большим крестом, в общих чертах напоминающую набатную башню, что на кремлёвской стене в Москве, а в близлежащем бедном деревянном монастыре построил каменный собор во имя Феодора Стратилата. Отсюда получила своё название и самая обитель.

*Мамонтов, С. С. На Плещеевом озере. (Из летних скитаний) / С. С. Мамонтов // *Русское слово*. — 1910. — 28 июля (№ 172). — С. 2.

¹Выдумка об этом рождении не опирается на документы. — *Ред.*

Храм этот, как и все постройки монастыря, потерял всякий исторический интерес благодаря бесчисленным искажившим его ремонтам; зато в ризнице его хранится бесценное сокровище как в художественном, так и в историческом отношении.

Это — холщовые ризы, собственноручно вышитые царицей Анастасией Романовной. По белому фону белым же шитьём изображён крупный растительный орнамент вперемежку с грифами, сирийскими птицами и наивными попугаями. Вся прекрасно сохранившаяся композиция дышит удивительным благородством, а оплечья, густо шитые золотом по красному бархату, ещё более оттеняют изящную простоту риз.

Впечатление от тихой глади озера, скромной приветливой обители, сказочного града Китежа, выходящего из воды, — всё это дополняется простой белой вышивкой, сделанной руками царицы, и увековечивает чистую память её венчанного сына.

Сейчас пишу у открытого окна, через которое в комнату вливаются густые волны благовеста.

Озеро всё так же тихо покоится в своих зелёных берегах; только теперь оно, благодаря освещению, сине-стального цвета, как старый толедский клинок.

Чайки на его поверхности кажутся хлопьями снега.

Хорошо здесь.

* * *

Самый город Переславль-Залесский производит странное впечатление. Это — большой, бойкий уездный город, в котором алчный дух современной фабрики смешивается с многовековой седой стариною.

В черте города остался нетронутым высокий, массивный крепостной вал, отражавший в своё время и татарские полчища, и польский сброд Смутного времени. Теперь на вал, по зелёному дёрну, идут удобные лестницы, и он служит местом прогулки для фабричных ухарей-гармонистов и их поклонниц, никогда не устающих щёлкать семечки.

Внутри укрепления, у самого подножья вала, стоит стройный Спасо-Преображенский собор, построенный князем Юрием Долгоруким в 1152 году, то есть всего пять лет спустя по основании им Москвы. Сложен этот патриарх из тёсаного белого камня, и каждая из его стен оканчивается тремя полукружиями, как во всех древних византийских храмах. Стены простояли без малого восемь веков, выдерживали пожары и разграбления и, наперекор всему, сохранили строгую красоту своих архитектурных линий.

Собор стоит совсем один на чистой лужайке, и странным и уродливым кажется, рядом с его маститой белизной, закоптелый кирпич соседних фабрик.

Громадным ключом сторож отмыкает железные двери, и мы с благоговейным чувством вступаем в сырой полумрак сводов и жестоко разочаровываемся.

Сохранившаяся здесь, — по словам очевидцев, — ещё лет двадцать назад фресковая стенопись, современная основанию храма, по почину некоего благодетеля заменена плохой новою. Старинный иконостас выломан и заменён мраморным, похожим на бонбоньерку; древние надгробия переславских князей тоже облицованы заново, наподобие умывальников. Всё это, по вине скопившейся веками сырости, уже покрылось плесенью, но — увы! — имеет не старинный, а просто облезлый вид.

Скользкий свет высоких узких окон, словно стыдясь, падает на широковетчатую мраморную доску, на которой благодетель предал векам славу своего подвига. Не называю его только потому, что он уже скончался и, вероятно, сам теперь на лоне Авраамовом оплакивает всю бестактность своего усердия.

А на стенах-то, говорят, был «Страшный суд» XII века!..

Интересна в Спасо-Преображенском соборе только сильно попорченная сыростью икона Распятия и Семи Таинств.

Написана она иконописцем Казариновым в XVII веке, о чём гласит следующая надпись: «В лето 7190/1682 поставил сей образ в соборной и апостольской церкви Преображения Спасова по обещанию своему подьячий Никита Ведерницын. Писал иконописец Стефан Казаринов».

Вероятно, подьячий соорудил икону в благодарность за своё счастливое бракосочетание. Таинство брака занимает на образе первенствующее место и интересно в историко-бытовом отношении.

Все фигуры в богатых древнерусских одеждах, за женихом стоит шафер, а за невестой шаферица со свечами; венцы по форме напоминают открытые короны с заострёнными отогнутыми лепестками.

Слой краски с иконы от сырости отваливается кусками, и её ожидает близкая и окончательная гибель. Жаль будет, если она погибнет бесследно.

* * *

Через Переславль, параллельно крепостному валу, течёт загрязнённая фабриками и заросшая водорослями река Трубеж, которая при своём впадении в озеро образует низменный выдающийся мыс. На этом мысу с незапамятных времён существует Рыбацкая слобода бывших казённых крестьян, для которых наделом служили воды озера и которые обязаны были поставлять знаменитую переславскую сельдь к столу великих князей и московских царей.

Серые домики рыбаков по низким берегам стоят у самой воды. Река Трубеж густо заросла здесь кувшинками и кудрявыми ивами. На её поверхности тихо колышутся лодки. Длинными рядами на кольях развешаны сети и неводы.

Идиллическая картина дивно минувших времён, когда целые области нашей родины кормились от рыболовного промысла.

— А нет ли у вас лихорадок? — спрашиваю у пожилого рыбака, сидящего у ворот своего домика.

— Никогда и не слыхивали, — отвечает он с достоинством. — Наше озеро чистое, и местность здоровая. Кто к нам больной приезжает, и тот от нашего воздуха вскорости поправляется.

— А речная вода разве озера не грязнит и не вредит рыбе? Ведь она сильно фабриками загажена.

— Ничуть не грязнит, — отвечает рыбак. — Озеро само по себе, а река сама по себе. Она в озере не растекается, идёт своим руслом и уходит другой рекой, Нерлью, прямо в Волгу.

Благодаря любезности одного местного жителя нам представился случай прокатиться по озеру на его парусной шлюпке.

Мы тихо двигаемся на вёслах по реке под навесом отклонившихся ив. Мачта положена вдоль лодки. Входим в озеро.

С воды его десятивёрстная ширь кажется безграничной; высокие берега тонут в сизой дымке. Ставим мачту и со слабо натянутым парусом тихо плывём по мелкому месту.

Вода прозрачна, как хрусталь, и под собой мы видим каждый колеблющийся стебелёк косматой чащи водорослей.

С удалением от берега подводная чаща постепенно уступает место чистому белому песку, уложенному волнами в причудливые узоры.

Ветер сильнее надувает парус, вода тихо журчит под кормой, песчаные узоры заволакиваются прозрачной сапфирной синевой. Мы выходим на трёхсаженную глубину и быстро плывём к середине озера.

Церкви города кажутся до половины ушедшими в воду. Одни встревоженные чайки реют над нами в синем безоблачном небе.

Как должен был радоваться Великий Пётр, когда впервые из Яузы попал на этот чистый голубой простор.

Серг. Мамонов